

References

1. Koats Dzh. *Pokoleniya i stili obucheniya* [Generations and learning styles]. Moscow, MAPDO Publ.; Novocherkassk, NOK Publ., 2011, 121 p.
2. Korovin A. *Deti v seti, ili Znakomtes: Pokolenie Z* [Children online, or Meet: Generation Z]. Available at: <http://www.pravmir.ru/deti-v-seti-ili-znakomtespokolenie-z>.
3. Kropotkin P. A. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of the revolutionary]. Moscow, Leningrad, Akademiya Publ., 1933, p. 185.
4. Nitshe F. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1910, vol. 9, p. 9.
5. Semenovskikh T. V. *Fenomen "klipovogo myshleniya" v obrazovatelnoy vuzovskoy srede* [The phenomenon of "clip thinking" in the educational institution environment]. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
6. Turgenev I. S. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 2, p. 331.
7. Frank S. L. *Religiozno-istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii* [The religious and historical meaning of the Russian revolution]. *Nachala* [Beginnings], 1991, no. 3, pp. 63.
8. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company Publ., 1991.
9. Shamis Ye., Nikonov Ye. *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy lks* [The theory of generations. Unusual X]. Moscow, University "Sinergiya", 2016, 140 p.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАНСЛАВИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. И. ЛАМАНСКОГО В НАЧАЛЕ XX в.

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Прокудин Борис Александрович, кандидат политических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: probor@bk.ru

Эта статья – попытка показать идейно-политическую эволюцию, произошедшую во взглядах известного русского слависта, общественного деятеля и идеолога панславизма В. И. Ламанского. Авторы при помощи методов политической текстологии интерпретируют два поздних текста В. И. Ламанского, которые не становились прежде объектом политологического анализа: «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» (1900) и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» (1900). Показано, что в этих статьях, посвящённых состоянию западных славян в начале XX в. и опубликованных в венском журнале «Славянский век», Ламанский всё ещё придерживался идей культурного панславизма о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык. Авторами отмечается, что Ламанский, как и все славянофилы, видел славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, различных по религиозному, гражданскому и нравственному характеру. Однако на рубеже XIX–XX вв. культурный панславизм Ламанского, хоть и претерпевал изменения, уже казался слишком туманным и в общественном сознании уступал место панславизму культурно-экономическому.

Ключевые слова: В. И. Ламанский, панславизм, «Славянский век», геополитика, славянофильство

EVOLUTION OF PAN-SLAVIST VIEWS OF V. I. LAMANSKY AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY

Boldin Vladimir A., Ph. D. (Policy), Assistant
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Prokudin Boris A., Ph. D. (Policy), Assistant Professor
Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: probor@bk.ru

This article is an attempt to analyze the ideological and political evolution that took place in the views of the famous Russian scientist, public figure and ideologist of Pan-Slavism V. I. Lamansky. In this work the authors are analyzing two later texts of V. I. Lamansky ("A Look at the Fates of South-Western Slavs" (1900) and "Is it possible to compare Russia with Austria-Hungary in regard of nationalities?" (1900), using methods of political textology. It is shown that in these articles, devoted to the state of the Western Slavs at the beginning of the XXth century, which were

published in the Viennese magazine "Slavic century", Lamansky adhered to the idea of "Cultural Pan-Slavism". According to this idea Slavs needed to accept a single literary language that the Russian language should have become. The authors note that Lamansky, like all Slavophiles, saw the "Slavic question" included in the antagonism of the «two worlds», Greco-Slavic and Romano-Germanic, which have differences in religious, civil and «moral» nature. Nevertheless, at the turn of the XIX–XXth centuries, Lamansky's "Cultural Pan-Slavism", even with changes, already seemed too vague and gave way to "Cultural and Economic Pan-Slavism".

Keywords: V. I. Lamansky, Pan-Slavism, "Slavic Century", geopolitics, Slavophilism

В. И. Ламанский – учёный, общественный деятель и публицист. Фигура выдающегося ученого-слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) является одной из наиболее самобытных в плеяде отечественных мыслителей и общественных деятелей конца XIX – начала XX в. Как отмечает М. А. Робинсон, «и до Ламанского в России были крупные слависты, но именно Ламанскому удалось создать общепризнанную школу славистов и занять почётное положение "патриарха русского славяноведения"» [20, с. 136]. С именем Ламанского связана целая эпоха не только в развитии отечественного славяноведения, но и славянской идеологии в России. Ламанский занимался изучением славянской проблематики во всём её многообразии, его научные труды посвящены исследованию славянских языков, славянской истории, политики, этнографии и литературы [24, с. 315–316; 27, с. 392–393].

Несмотря на заметно возросший в последние годы интерес к наследию Ламанского, внимание исследователей в основном было сосредоточено на интерпретации геополитических взглядов, изложенных им на страницах поздней работы «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), которую М. А. Робинсон охарактеризовал как «последнее историософское сочинение славянофильского направления в русском славяноведении» [19, с. 97]. Но Ламанский занимался не только научными исследованиями и преподаванием, он также был активным общественным деятелем, принимал участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г., был председателем Петербургского славянского благотворительного общества. Кроме того Ламанского знали как яркого публициста, по разным подсчётам, за годы своей творческой деятельности опубликовавшего порядка 400 работ. Публицистику, по словам Л. П. Лаптевой, он считал «важным средством пропаганды идей научных, политических, религиозных, национальных» [13, с. 128; 14, с. 47].

Именно публицистическому наследию Ламанского посвящена данная статья, в которой будут рассмотрены две его поздние работы – «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» (1900) и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» (1900), опубликованные в журнале «Славянский век» (1900–1904). Напечатанные в самом начале XX в., эти тексты больше не переиздавались и не становились объектом политологического исследования. При анализе статей Ламанского использован политико-текстологический метод³⁰, позволяющий комплексно проанализировать и осмыслить поднятые им проблемы во взаимосвязи с историческим контекстом эпохи.

Журнал «Славянский век» в контексте истории и теории панславизма. Прежде всего, стоит дать краткую справку о журнале, специально для которого Ламанским были подготовлены эти статьи. «Славянский век» издавался с 1900 по 1904 г. в Вене под редакцией одного из активных деятелей славянского движения в Австро-Венгрии – Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Журнал позиционировал себя как новый «всеславянский орган», который «не будет и не желает быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий», которые, по выражению редактора, часто носили официальный характер и субсидировались государством. Провозгласив себя «начинателем нового дела» и «хранителем славянофильских заветов», «Славянский век» поставил своими задачами «служить непосредственному распространению русского языка среди юго-западных славян, делу культурного единения славян путём взаимного ознакомления их на общеславянском языке и на почве практических, торговых интересов под девизом Палацкого: «Svůj k svému» («Свой к своему») [2, с. 3]. Редакция рассчитывала с помощью журнала начать работу по популяризации славянской идеи

³⁰ Под политической текстологией в данной работе понимается «прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов; приёмы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики (рецензии) и издания (публикации, републикации)» [25, с. 145].

не только среди русских читателей, но прежде всего, среди других славянских народов, в том числе и в Австро-Венгрии. Подобная деятельность не могла остаться незамеченной австрийскими властями, которые видели в распространении «славянской идеи» угрозу территориальной целостности и стабильности империи.

Кроме долгосрочной цели распространения русского языка как будущего средства межкультурной коммуникации, сформированной редакцией под влиянием идей Ламанского (хотя и не все авторы журнала в дальнейшем разделяли эту точку зрения), «Славянский век» ставил перед собой и более утилитарные задачи. Например, развитие торговых отношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом посредством предоставления возможности производителям и торговцам осуществлять коммуникацию при помощи журнала. Здесь прослеживается важная тенденция в эволюции взглядов русских панславистов начала XX в. – всё больший переход от концепций политической и культурной взаимности к вопросам экономической интеграции славянских земель³¹.

Эволюция взглядов Ламанского: путь от убеждённого славянофила к разочарованию в славянской идее? Прежде, чем перейти к анализу поздних статей Ламанского, нужно в общих чертах охарактеризовать, как формировались его взгляды. Дело в том, что период наибольшей активности (общественной и публицистической) Ламанского пришёлся на 1860–1870-е гг. Ближе к концу века популярность его взглядов в славяноведческой среде стала снижаться. Несмотря на то, что Ламанский создал самую большую отечественную школу славяноведения, его авторитет падал, и к началу XX в. Ламанский был почти забыт³².

Мировоззрение Ламанского было славянофильским, что определяло его подход к истории и политические взгляды. Он был сторонником самодержавия³³ и панславистом, призывая славянские народы к объединению. Как и все консерваторы, он был ещё «ностальгическим человеком», т. е. не мог удовлетвориться настоящим и искал идеал в прошлом. Сожалел о том времени, когда существовало первоначальное славянское единство, покоящееся на «началах народности», и все славяне были «одной веры». Но золотой век славянства был недолг: западные славяне пали под натиском немцев, а южные – турок. Только русским из всех славянских народов удалось отстоять свою независимость, славянскую самобытность и построить великую державу. Именно поэтому на России лежит особая миссия – объединить славянство, вернув ему исконную культуру и долгожданную свободу.

В своем понимании панславизма русские мыслители XIX в. сразу разделились на тех, кто призывал к сближению славянских народов, в первую очередь в области культуры (культурный панславизм), и тех, кто предполагал их государственное объединение (политический панславизм). Разумеется, такую классификацию нельзя считать безупречной, по крайней мере, потому, что те сторонники славянской взаимности, которые никогда не выдвигали программы политического объединения славянских стран, а ратовали лишь за культурное сближение, в далёкой перспективе всё-таки предполагали возможность объединения славянских народов в одно государство³⁴. Одной из основных фигур, ярко характеризующих направление культурного панславизма, можно назвать Ламанского.

Как и все славянофилы, он видел славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, различных по религиозному, гражданскому и «нравственному» характеру. И настойчивые призывы Ламанского к «скорейшему

³¹ Подробнее о политической программе и деятельности журнала «Славянский век» см.: [1].

³² Такая несправедливость, как полагает Л. П. Лаптева, автор книги «История славяноведения в России в XIX веке», была связана со сменой эпох, «новое поколение учёных, не исключая и учеников Ламанского, не разделяло уже его политических убеждений и научных теорий, ставших анахронизмом [15, с. 355]. Действительно, взгляды Ламанского к началу XX в. даже его ученикам (А. Л. Погодину, Г. А. Ильинскому, и др.) в некоторых аспектах, прежде всего, в политическом, казались изжившими себя.

³³ Тем не менее, в научной литературе существует и иное мнение относительно политических взглядов Ламанского. Так, А. В. Малинов, на основе анализа дневниковых записей, сделанных Ламанским в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), ставит под сомнение точку зрения о его монархических взглядах. «Они (дневниковые записи. – авт.) ясно показывают, насколько критически относился учёный к существующей в России форме правления, и ставят под сомнение распространённое в исследовательской литературе мнение о Ламанском как об убеждённом монархисте. По крайней мере николаевское самодержавие никогда не вызывало у него симпатий» [16, с. 37].

³⁴ Иная классификация панславизма предложила в недавнем исследовании О. В. Павленко. Подробнее см.: [17, с. 3–15].

пробуждению» общеславянского сознания и культурному объединению славян было следствием убеждения, что славянам в ближайшее время предстоит вести трудную борьбу со своими «заклятыми европейскими врагами», в первую очередь, с Германией. Основным мотивом конфликта России с Германией, по его мысли, должны были стать притязания последней на территории славянских народов. К такому выводу Ламанский пришёл, проанализировав сочинения нескольких поколений германских учёных, писателей и публицистов разных школ и направлений, посвящённые славянским народам (этому вопросу, во многом, посвящена его докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» [9]). Вывод Ламанского заключался в следующем: в европейском сознании, в частности, германском, насаждается представление о том, что «славянское племя есть племя низшее», не способное к самостоятельной жизни и рождённое, чтобы подчиняться. А в борьбе с «германской машиной» невозможно победить без равноценной высокоразвитой культуры.

Что же делать, если совокупная культура славян в общественном мнении «уступала» культуре романо-германских народов? «Отец панславизма» [29, р. 668; 30, р. 83], словак Ян Коллар, предлагал программу распространения во всех славянских странах четырёх обязательных языков: русского, польского, чешского и сербохорватского. По его мнению, такая мера сплотила бы славян и стимулировала у родственных народов культурный рост. Ламанскому эта идея казалась утопичной. Соглашаясь, что славяне должны проникнуться «пламенной идеей общности», он считал, что основой для этого должен стать русский язык. Только выбрав «русский» путь интеграции, мелкие части славянства могли бы стать самостоятельными частями общего организма, способного на равную борьбу с Германией. Эти взгляды были впервые высказаны Ламанским уже в ранних статьях – «Из записок о славянских землях» (1864) и «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864) [18, с. 119].

Размышления Ламанского о различии между понятиями народности и нации делают более понятными его требования «русификации» славян. В одной из неопубликованных работ конца 1860-х гг. «Проекты славянских федераций. Обзор» Ламанский писал: «Не каждая народность есть или может быть нацией. Никто не станет отрицать народностей самоедов, лопарей, карелов, зырян, бурят, черемис, чувашей, мордвы и т. д., но все эти народы не составляют самостоятельных наций, а принадлежат к нации русской, точно так же как баски во Франции или остатки кельтов в Англии, по народности не французы и не англичане, принадлежат к французской или английской нациям» [10, л. 2]. По мнению учёного, только при соблюдении двух условий народности достигают значения наций. Во-первых, при общем литературном языке, «органе общей образованности», и, во-вторых, при независимом политическом положении и самостоятельном государственном устройстве [10, л. 2].

Видя в России славянскую державу, находя в русской поэзии, в русском искусстве «родные славянские идеалы», защиту своих национальных интересов, все славянские народы, считал Ламанский, почувствуют потребность изучать русский язык, знакомиться с русской литературой. И тогда создание всеславянского политического союза станет реальностью [18, с. 120]. Принятию русского языка в качестве общеславянского, письменного и дипломатического, по мысли учёного может способствовать «энергичное проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще в качестве единственной державы славянской, имевшей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников» [12, с. 35–36].

Смысл и направление научных поисков Ламанского, как отмечает А. А. Ширинянц, сводились к обоснованию «миродержавной роли нашего славянского племени», которая должна завоевываться не столько внешнеполитическими действиями, сколько внутри России, причём не в Петербурге и Москве, а в провинции – освоением огромных пространств, подъёмом экономической жизни и упорядочением бытовых условий, успехами самобытной, неподражательной русской образованности [3, с. 99; 23, с. 7]. Панславизм Ламанского был, прежде всего, продиктован необходимостью противостоять германской экспансии, не потерять стратегических партнеров и потенциальных союзников России – западных и южных славян.

Впрочем, известно, что к 1875–1877 гг. происходит разочарование Ламанского в панславизме и возможности славянского объединения. Об этом позволяет судить неопубликованная статья «Славянский союз», в которой прозвучала невиданная ранее для автора мысль – славяне не объединятся никогда именно потому, что они славяне. Можно сказать, что статья «Славянский союз» характеризует жизненную драму славянофила Ламанского, осознавшего,

что славяне – никакие не братские народы, а всего лишь буферные страны, находящиеся между Россией и Западом и попеременно тяготеющие то к одному, то к другому полюсу. Несмотря на то, что она так и осталась наброском, статья «Славянский союз» позволяет по-новому взглянуть на эволюцию взглядов Ламанского, хотя в опубликованных работах учёный по-прежнему отстаивал идею славянского единства. Так, к 1892 г. им был закончен трактат «Три мира Азийско-Европейского материка», который стал, по сути, творческой переработкой славянофильской философии истории и её адаптации к реалиям конца века.

В 1895 г., Ламанский предпринял попытку запустить собственное печатное издание, посвящённое проблемам славянства. Будущий журнал должен был называться «Славянский мир», а целью его должна была стать пропаганда панславистских идей. По проекту предполагалось, что журнал будет носить чисто научный характер. Однако просьба о выделении средств на издание журнала не нашла поддержки в Министерстве народного просвещения. Возможно, из-за разочарования, связанного с неудачей собственного журнала, Ламанский с большим энтузиазмом воспринял новость о появлении в Вене «Славянского века». Кроме того, в кругу авторов журнала было много старых коллег и учеников Ламанского, некоторых из которых он предполагал привлечь и к изданию «Славянского мира» [5, с. 155–159].

Сотрудничество Ламанского с журналом «Славянский век». Первая из двух статей Ламанского, написанных для венского журнала, носила название «Взгляд на судьбы юго-западного славянства», она была опубликована в двойном выпуске «Славянского века» (№ 9–10, 1900 г.). Примечательно, что статья вышла на двух языках с параллельным переводом – на русском и немецком. Можно предположить, что статья Ламанского была адресована, в первую очередь, западнославянскому читателю, а точнее – славянскому населению Австро-Венгрии, где представители интеллигенции считали правилом хорошего тона говорить скорее по-немецки, нежели знать свои собственные национальные языки.

Необходимо сказать, что к началу XX в. на территории Австро-Венгрии проживало около 46 млн человек, из которых более 20 млн были представителями славянских этносов (чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины) [22, с. 23–25]. Таким образом, славянский вопрос являлся одним из ключевых во внутренней политике империи Габсбургов. Кроме того, экономическая неоднородность территорий империи, а также отстранённость нарождающейся славянской буржуазии от основных источников капитала в Австро-Венгрии способствовала тому, что славянские политики и общественные деятели постоянно искали пути увеличения собственной национальной автономии, а также экономической независимости. Соответственно, были заинтересованы в налаживании связей с Россией, единственным независимым славянским государством, на поддержку которого они могли рассчитывать.

В своей работе Ламанский отмечает, что кроме сербов и болгар, ни один западнославянский народ не имеет своего государства. Тем не менее, и на территории указанных стран политическая борьба и конфликты ставят под вопрос их успешное процветание. По ходу статьи Ламанский пытается разобраться и дать ответ на вопрос: «В чём же причина подобного удручающего положения столь “могучей силы”, как славянство?».

Внутренние раздоры и противоречия, нежелание отказаться от национальных амбиций в пользу общего дела привели славян к упадку. Медленно, но верно славяне ассимилируются под натиском чужих культур – немецкой и турецкой. Но что же может помочь избежать плачевного сценария? Что может объединить столь разрозненное славянское племя, позволив найти компромисс и спасительный выход? Для Ламанского ответ очевиден: только русский язык как средство межславянской коммуникации способен консолидировать славян.

«Немцы, – продолжает Ламанский, – как и итальянцы когда-то, как по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературу и образованности и возымили общий литературный язык. У 36 миллионов славян – 7 или 8 (если считать кашубский) литературных языков... Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделённое на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но всё же объединённым одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, североамериканца?» [7, с. 6].

Но почему именно русский язык может стать основой славянской интеграции? Потому, что «ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория» [7, с. 7].

Отвечая на возможные выпады западнославянских патриотов, Ламанский замечает, что в корне неправильно сравнивать расчленение романских и германских народов (которые имеют несколько независимых литературных языков) с разделением внутри славянского мира. В силу исторических, политических и экономических обстоятельств, а также социально-политическому положению и экономическому развитию славянские народы не равны по своей численности крупным европейским народам (например, французам или итальянцам), и любые попытки ещё большего разделения в славянском мире по культурному и языковому признаку могут привести не к национальному возрождению, а лишь к потере собственной идентичности³⁵.

По мысли Ламанского, дополнительным аргументом в пользу русского языка является тот факт, что исторические противоречия и конфликты, раздирающие славянский мир, никогда не позволят, например, полякам признать превосходство чешской культуры или языка, а сербам принять тот факт, что их литература и история менее «блистательна и важна», нежели история хорватов или словенцев. Таким образом, только Россия остается единственным неоспоримым эталоном в культурном, политическом и экономическом плане³⁶.

Вторая статья Ламанского, написанная для журнала «Славянский век», носила название «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?». В ней Ламанский не только продолжает развивать свою концепцию культурной интеграции славянских земель, но и касается вопросов внутренней политики Российской империи.

Прежде всего, Ламанский замечает, что «и с точки зрения историко-этнографической, и с точки зрения государственного права сильно ошибаются, когда уподобляют в вопросе народностей Россию и Австро-Венгрию» [8, с. 2]. Обострение национального вопроса ставит под сомнение политическое будущее «лоскутной империи».

Характеризуя современное состояние Российской империи, Ламанский приходит к выводу, что «при справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России, никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50–100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200–300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода сношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» [8, с. 2–3]. То есть призывы Ламанского способствовать распространению русского языка в славянском мире были продиктованы не только желанием помочь славянским народам избежать «онемечивания», но и геополитическими интересами России.

Следует отметить, что тезис Ламанского о возрастании роли России в мире в начале нового столетия не кажется беспочвенным. Несмотря на то, что экономическое развитие России на рубеже веков носило скачкообразный характер, всё же за относительно короткий срок Российская империя по темпам экономического роста сумела догнать ведущие индустриальные страны, такие как Великобритания, Франция, США, Германия, а по некоторым показателям и опередить их.

³⁵ Ламанский не раз сетовал на характерную черту славянских народов, которую он называл «национальным эгоцентризмом»: «Каждое славянское племя, – писал он в статье “Славянский союз”, которую так и не опубликовал, вероятно, в силу чрезмерной резкости выводов, – хотя бы оно жило в величайшем рабстве, с каким-то отчаянным фанатизмом держится своей самой иногда жалкой особенностью, своего племенного имени, которое часто и не народное, а чужое, навязано ему завоевателями, своего особого наречия, на коем почти не напечатано ни одной книги. Без всякой союзной связи, без общего языка, без какого бы то ни было общего знамени народной торжественности, кто может признавать нас за один народ?!» [11, л. 1].

³⁶ Стоит сказать, что старый тезис Ламанского о необходимости распространении русского языка в качестве средства культурного и дипломатического общения поддерживался далеко не всеми молодыми славистами нового поколения. Так, один из постоянных авторов журнала «Славянский век», видный деятель славянского движения начала XX в. Илья Владимирович Каменский, человек уже не славянофильского мировоззрения, в своей программной статье «Тезисы панславизма» (1903) писал, что дипломатическим языком будущей славянской федерации (Славянского Союза) вполне может стать и французский язык, который позволит избежать конфликтов в славянском мире [6, с. 323–324].

Сравнивая основные внутривнутриполитические процессы, протекающие в двух империях – Австро-Венгерской и Российской, Ламанский приходит к выводу, что в России сложилась совершенно иная историческая ситуация, требующая отличного подхода для её изучения. Русский народ как главный образующий элемент находится в совершенно ином отношении к другим народностям империи, нежели элементы немецкий и мадьярский в Австрии. «Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, без внимания имеет ли она свои привилегированные сословия, свою развитую старую культуру, или не имеет, главный русский элемент может и должен спокойно признавать права родных языков в их богослужениях и религиозных поучениях, в народной школе (чем культурнее народ и край, тем легче можно вводить и обязательное обучение русской грамоте и языку, а не преподавание в народной школе на русском языке), само собой, в семье, в общественных собраниях, в театрах и в литературе» [8, с. 5].

По мнению Ламанского, за исключением Финляндии, где преобладает однородное население, в России, подобно опыту Германии, Франции и США, «все средние и высшие училища, казённые или хотя бы частные, но с государственными правами могут быть только или вполне, или преимущественно русскими» [8, с. 5]. Поэтому только русская национальность и русский язык имеют «политический» характер: «Эта национальность и этот национальный язык – единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка», – пишет он [8, с. 6].

Завершая рассмотрение двух работ Ламанского, относящихся к позднему этапу его творческой деятельности, следует отметить последовательную приверженность учёного концепции культурного панславизма³⁷, основанную на идее распространения русского языка как единственно возможного средства сближения славянских народов в культурном и политическом плане. Таким образом, здесь, как и в одной из первых своих статей «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении» (1864), которую Б. Ф. Егоров небезосновательно называет «первой откровенной программой русификаторского панславизма» [4, с. 100], так и в книге «Три мира Азийско-Европейского материка», Ламанский выступает отнюдь не идеологом гегемонистских и экспансионистских притязаний России. Видя славянский вопрос включённым в антагонизм двух миров – греко-славянского и романо-германского, Ламанский рассматривал идею славянского единства в первую очередь как основу самосохранения славянства и России, доказательство права славян и их культуры на существование.

Культурный панславизм перед вызовами эпохи. Однако к началу XX в., в связи с изменением исторического контекста, для идеологов славянского движения становится всё более очевидным факт, что экономическая повестка дня должна стать ключевой при выстраивании моделей взаимоотношений в славянском мире. В условиях бурного развития капиталистических отношений идеи культурного единения славян начинают казаться всё более абстрактными и всё меньше находят отклик у представителей славянской интеллигенции.

Показательна заочная дискуссия, которая развернулась на страницах «Славянского века» между Ламанским и сербским политическим деятелем, лидером «Радикальной партии», академиком Любомиром Стояновичем (1860–1930). Стоянович высказал мысль, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в нынешних условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича – нет. Он уверяет, что причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична – экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущается у славян, так как все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. «Какие связи имеет Сербия с “братской” Россией?» – спрашивает Стоянович. Торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели» [21, с. 4]. Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на всех Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому

³⁷ А. А. Ширинянец даёт следующее определение данному феномену: «“Культурный панславизм” развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык» [26, с. 75].

и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»?

Если так обстоит дело на Балканах, где Россия традиционно имеет свои интересы, то о чём тогда говорить в славянских землях Австро-Венгрии и Германии? Там славяне в повседневной жизни попросту никогда и не «сталкиваются» с Россией, только если услышать о ней из сводок немецких газет. Так что «языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а практической надобности» [21, с. 5].

В нынешних условиях, по мысли Стояновича, у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, как об этом мечтали первые панслависты, нет времени рассуждать об отвлечённых началах. «У нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению» [21, с. 6], иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей.

В условиях начала XX в. «романтические» тезисы Ламанского казались поборникам славянской независимости уже отжившими себя. Если Россия не вернёт себе экономическое влияние в регионе, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлечённые разговоры о философских основах греко-славянского мира и мечтания о русском языке как средстве общения так и останутся мечтами.

Письмо Стояновичу Ламанскому осталось без ответа. Но его выводы кажутся показательными: западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, а наоборот, наблюдая её сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Им нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы занять славянским землям своё место в формирующейся мировой капиталистической системе.

Именно поэтому идеи экономической интеграции славянских земель станут ведущими в идеологических построениях панславистов начала XX в. Неудивительно, что славянская идея станет одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в русской Государственной думе, ведь именно они представляли интересы крупной русской буржуазии [28, с. 108–109].

Подобные идеи были характерны и для славянских общественных деятелей, занявших особое место в кругу авторов журнала «Славянский век», – хорвата Степана Радича (1871–1928), болгар Стефан Бобчева (1853–1940) и Стефана Цанкова (1881–1965), серба Михаила Вуича (1853–1913), поляка Маиана Здеховского (1861–1938). Все они были убеждены, что Россия должна по-новому взглянуть на славянские народы как на равноценных партнёров, заинтересованных друг в друге экономически. Именно поэтому, на наш взгляд, панславизм в начале XX в. можно охарактеризовать как *культурно-экономический*, что с одной стороны, подчёркивает его преемственность взглядам культурного панславизма, а с другой – обозначает главное отличие в идеологических построениях молодых панславистов, а именно внимание к экономике.

С одной стороны, нежелание воспринимать экономическое сотрудничество России со славянскими странами в качестве основного вопроса и отказ поступиться пунктом о роли русского языка в деле объединения славян отодвинули взгляды Ламанского на периферию. Но, с другой стороны, многие молодые деятели славянского движения, будучи учениками Ламанского, считали идеи славянофилов не изжившими себя до конца, а обладающими большим гуманистическим потенциалом, развенчавшим мифы об универсальности западной культуры и несостоятельности культуры национальной.

Список литературы

1. Болдин, В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / В. А. Болдин ; под общ. ред. А. А. Ширинянца. – Москва : Аквилон, 2018. – 376 с.
2. Вергун, Д. Н. От редактора! / Д. Н. Вергун // Славянский век. – 1900. – Вып. 2. – С. 3.
3. Гудков, А. Д. Политическая мысль России. Творческие портреты: Владимир Иванович Ламанский / А. Д. Гудков, А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2001. – № 1. – С. 94–119.
4. Егоров, Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов / Б. Ф. Егоров // Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 23–32.
5. Егорова, К. Б. Письма Д. Н. Вергуна к П. А. Кулаковскому / К. Б. Егорова // Библиотека журнала «Русин». – 2017. – № 1. – С. 155–159.
6. Каменский, И. В. Тезисы панславизма / И. В. Каменский // Славянский век. – 1903. – Вып. 59. – С. 322–325.
7. Ламанский, В. И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства / В. И. Ламанский // Славянский век. – 1900. – Вып. 9–10. – С. 2–15.

8. Ламанский, В. И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? / В. И. Ламанский // *Славянский век*. – 1900. – Вып. 11–12. – С. 2–8.
9. Ламанский, В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе / В. И. Ламанский. – Санкт-Петербург: Типография В. Н. Майкова, 1871. – 316 с.
10. Ламанский, В. И. Проекты славянских федераций. Обзор / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 110. – Л. 5.
11. Ламанский, В. И. Славянский союз / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 124, неполн. – Л. 7.
12. Ламанский, В. И. Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете / В. И. Ламанский. – Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1867. – 38 с.
13. Лаптева, Л. П. В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков / Л. П. Лаптева // *Славянский вопрос: Вехи истории*. – Москва: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 118–129.
14. Лаптева, Л. П. Владимир Иванович Ламанский (1833-1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) / Л. П. Лаптева // *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре*. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 47–59.
15. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX в. / Л. П. Лаптева – Москва: Индрик, 2005. – 848 с.
16. Малинов, А. В. «Славянский мир» или «русский космос»: о нереализованном издательском проекте В. И. Ламанского / А. В. Малинов // *Русский мир*. – 2011. – № 6. – С. 32–47.
17. Павленко, О. В. Панславизм и его модели / О. В. Павленко // *Новая и новейшая история*. – 2016. – № 5. – С. 3–15.
18. Прокудин, Б. А. Историсофские и геополитические идеи В.И. Ламанского / Б. А. Прокудин // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2013. – № 2. – С. 117–127.
19. Робинсон, М. А. В. И. Ламанский и его историсофский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» / М. А. Робинсон // *Славянский альманах 1996*. – Москва: Индрик, 1997. – С. 90–106.
20. Робинсон, М. А. В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег / М. А. Робинсон // *Славянский альманах 2013*. – Москва: Индрик, 2014. – С. 136–151.
21. Стоянович, Л. Общеславянский язык (Посвящается В. И. Ламанскому) / Л. Стоянович // *Славянский век*. – 1901. – Вып. 15. – С. 4–10.
22. Шапошников, Б. М. Мозг армии: в 3 кн. / Б. М. Шапошников. – Москва – Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927. – Кн. 1. – 259 с.
23. Шириняц, А. А. В.И. Ламанский — евразиец до евразийства / А. А. Шириняц // *Евразийская идея и интеграционные процессы на постсоветском пространстве*. – Кокшетау: Кокшетауский государственный университет имени Ш. Ш. Уалиханова, 2017. – С. 7–17.
24. Шириняц, А. А. ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович / А. А. Шириняц // *Русская философия* / под общ. ред. М. А. Маслина. – 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Книжный клуб Книголек, 2014. – С. 315–316.
25. Шириняц, А. А. Политическая текстология в Московском университете / А. А. Шириняц // *Весник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. – 2019. – № 1. – С. 145–150.
26. Шириняц, А. А. Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина / А. А. Шириняц. – Москва: *Русский мир*, 2008. – 412 с.
27. Шириняц, А. А. Ламански / А. А. Шириняц // *Энциклопедија Руске Философије* / urednik Maslin Mihail A. – Beograd; Bačka Palanka: Logos, 2009. – С. 392–393.
28. Boeckh, K. The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 / K. Boeckh // Boeckh, K. *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* / K. Boeckh, S. Rutar. – Palgrave: Basingstoke, 2016. – P. 105–137.
29. Levine, L. Pan-Slavism and European Politics / L. Levine // *Political Science Quarterly*. – 1914. – Vol. 29, № 4. – P. 664–686.
30. Maxwell, A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography / A. Maxwell // *Traditiones*. – 2011. – № 40 (2). – P. 79–95.

References

1. Boldin V. A. *Panslavistskiye politicheskiye kontseptsii: genesis i evolyutsiya* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution]. Ed. by A. A. Shirinyants. Moscow, Akwilon, 2018, 376 p.
2. Vergun D. N. Ot redaktora! [From the editor!]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 2, p. 3.
3. Gudkov A. D., Shirinyants A. A. *Politicheskaya mysl Rossii. Tvorcheskie portrety: Vladimir Ivanovich Lamanskiy* [Political thought of Russia. Creative portraits: Vladimir Ivanovich Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2001, no. 1, pp. 94–119.
4. Egorov B. F. O natsionalizme i panslavizme slavyanofilov [About the nationalism and Pan-Slavism of the Slavophiles]. *Egorov B. F. Ot Khomyakova do Lotmana* [Egorov V. F. From Khomyakov to Lotman]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003, pp. 23–32.
5. Egorova K. B. Pisma D. N. Verguna k P. A. Kulakovskomu [Letters from D.N. Vergun to P.A. Kulakovsky]. *Biblioteka zhurnala "Rusin"* [Rusin's journal library], 2017, no. 1, pp. 155–159.

6. Kamenskiy I. V. Tezisy panslavizma [Theses of Pan-Slavism]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1903, iss. 59, pp. 322–325.
7. Lamanskiy V. I. Mozhno li upodoblyat Rossiyu Avstro-Vengrii v voprose o narodnostyah? [Is it possible to compare Russia with Austria-Hungary in regard of nationalities?]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 11–12, pp. 2–8.
8. Lamanskiy V. I. Vzgl'yad na sudbu yugo-zapadnogo slavyanstva [A Look at the Fates of South-Western Slavs]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1900, iss. 9–10, pp. 2–15.
9. Lamanskiy V. I. *Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope* [On the historical study of the Greco-Slavic world in Europe]. St. Petersburg, Typography of V. N. Maikov, 1871, 316 p.
10. Lamanskiy V. I. Proekty slavyanskikh federatsiy. Obzor [Projects of Slavic federations. Overview]. *St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences*, found 35, inventory 2, case 110, sheet 5.
11. Lamanskiy V. I. Slavyanskiy soyuz [Slavic Union]. *St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences*, found 35, inventory 2, case 124, incomplete, sheet 7.
12. Lamanskiy V. I. *Chteniya o slavyanskoy istorii v imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete* [Readings on the Slavic history at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg, Printed by B. Golovin, 1867, 38 p.
13. Lapteva L. P. V. I. Lamanskiy i slavyanskaya tema v russkikh zhurnalakh rubezha XIX–XX vekov [V. I. Lamanskiy and the Slavic theme in Russian journals of the turn of the XIX–XX centuries]. *Slavyanskiy vopros: Vekhi istorii* [Slavic Question: Milestones of History]. Moscow, Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences, 1997, pp. 118–129.
14. Lapteva L. P. Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) (K stoletney konchine znamenitogo slavista) [Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) (To the centenary death of the famous Slavist)]. *Slavyanskiy mir v tret'm tyisyacheletii: chelovek, obschestvo, narod v istorii, yazyke i kulture* [Slavic world in the third millennium: man, society, people in history, language and culture]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2014, pp. 47–59.
15. Lapteva L. P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [The history of Slavic studies in Russia in the XIX century]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 848 p.
16. Malinov A. V. "Slavyanskiy mir" ili "russkiy kosmos": o nerealizovannom izdatelskom proekte V. I. Lamanskogo ["Slavic World" or "Russian Space": the unrealized publishing project of V. I. Lamanskiy]. *Russkiy mir* [Russian world], 2011, no. 6, pp. 32–47.
17. Pavlenko O. V. Panslavizm i ego modeli [Pan-Slavism and its models]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 2016, no. 5, pp. 3–15.
18. Prokudin B. A. Istoriyosofskie i geopoliticheskie idei V. I. Lamanskogo [Historiosophical and geopolitical ideas of V. I. Lamanskiy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 2013, no. 2, pp. 117–127.
19. Robinson M. A. V. I. Lamanskiy i ego istoriosofskiy traktat "Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika" [V. I. Lamanskiy and his historiosophical treatise "The Three Worlds of the Asian-European Continent"]. *Slavyanskiy almanakh 1996* [Slavic Almanac 1996], Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 90–106.
20. Robinson M. A. V. I. Lamanskiy, ego vzglyady na razvitiye slavyanovedeniya, mneniya o nem uchenikov i kolleg [V. I. Lamanskiy, his views on the development of Slavic studies, the views of his pupils and colleagues]. *Slavyanskiy almanakh 2013* [Slavic Almanac 2013]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 136–151.
21. Stoyanovich, L. Obsheslavjanskiy yazyk (Posvyashchaetsya V. I. Lamanskomu) [Common Slavonic language (Dedicated to V. I. Lamanskiy)]. *Slavyanskiy vek* [Slavic Century], 1901, no. 15, pp. 4–10.
22. Shaposhnikov B. M. *Mozg armii: v 3 knigakh* [The Brain of the Army: is 3 books]. Moscow, Leningrad, Department of Military Literature of the State Publ. House, 1927, book 1, 259 p.
23. Shirinyants A. A. V. I. Lamanskiy – yevraziets do yevraziystva [V. I. Lamanskiy – Eurasian before Eurasianism]. *Yevraziyskaya ideya i integratsionnyye protsessy na postsovetskom prostranstve* [Eurasian idea and integration processes in the post-Soviet space]. Kokshetau, Kokshetau State University Publ., 2017, pp. 7–17.
24. Shirinyants A. A. *LAMANSKIY Vladimir Ivanovich* [LAMANSKY Vladimir Ivanovich]. *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia]. Ed. by M. A. Maslin. Moscow, Knigovek Book Club Publ., 2014. 2nd ed., pp. 315–316.
25. Shirinyants A. A. Politicheskaya tekstologiya v Moskovskom universitete [Political textology at Moscow University]. *Viesnik Khrodzienskaga dzjarzaunaga univiersiteta imia Yanki Kupaly. Sieryya 1. Khistoryya i archiealokhiya. Filasofiya. Palitalogiya* [Bulletin of Hrodna State University. Series 1. History and archeology. Philosophy. Political science], 2019, no. 1, pp. 145–150.
26. Shirinyants A. A. *Russkiy khranitel: politicheskii konservatizm M. P. Pogodina* [Russian custodian: political conservatism of M. Pogodin]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2008, 412 p.
27. Shirinyants A. A. Lamanskiy [Lamanskiy]. *Yentsiklopediya Ruskie Filosofie* [Encyclopedia of Russian Philosophy]. Ed. by M. A. Maslin. Belgrade; Backa Palanka, Logos Publ., 2009, pp. 392–393.
28. Boeckh K. The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13. *Boeckh K., Rutar S. The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory*. Palgrave, Basingstoke Publ., 2016, pp. 105–137.
29. Maxwell A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography. *Traditiones*, 2011, no. 40 (2), pp. 79–95.
30. Levine L. Pan-Slavism and European Politics. *Political Science Quarterly*, 1914, vol. 29, no. 4, pp. 664–686.